

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

СЛЕД НА АФГАНСКОЙ ПЫЛИ

Сергей ЗВЕРЕВ

Сергей Иванович Зверев

След на афганской пыли

Серия «Спецназ ВДВ»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183671
След на афганской пыли: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22057-1*

Аннотация

Афганские талибы сумели похитить с выставки в Кабуле раритеты мусульманских святынь, привезенных из Казани. Кроме того, бандиты захватили в заложники и организаторов этой выставки. Вызволить заложников и спасти музейные экспонаты поручили командиру спецназовцев майору Лаврову, сопровождавшему колонну автомашин с гуманитарной помощью. Ситуация осложнилась тем, что предводитель банды талибов неожиданно отдал приказ казнить заложников...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Зверев

След на афганской пыли

Глава 1

Яркое, будто пламя, солнце в зените. Тридцатиградусная жара; выцветшее голубое небо. Но кто станет торчать на солнцепеке, если можно спрятаться от палящих лучей? В тени даже чувствовался бодрящий утренний ветерок. Представить себе лучшей погоды в здешних краях в это время года было просто невозможно. Но, к сожалению, все в этом мире переменчиво и недолговечно. Внезапно налетевший ветер поднял, закрутил смерчем пыль, бросил ее на выгоревшую, отслоившуюся краску стен, погнал по улицам. Из-за крыш домов выползли темные тучи. Вдалеке слышались глухие раскаты грома. Вот-вот должна была начаться гроза.

Седовласый офицер афганской армии даже не удосужился посмотреть вверх, все его внимание было приковано к площади, а потому сгоряча принял безобидные раскаты грома за взрывы. По его команде полтора десятка военных вскинули автоматы и тут же взяли на прицел собравшуюся на центральной площади города небольшую толпу. От праздничного настроения, царившего в ней минутой ранее, теперь не осталось и следа. В глазах собравшихся читались волнение и

страх, словно загипнотизированные смотрели они на черные стволы «АКМов».

Заезжему туристу, впервые оказавшемуся в Кабуле, действия афганских военных могли показаться излишними, ведь человеку, привыкшему слышать звуки мирной жизни, было очевидно, что никаких взрывов и в помине нет – ни тебе огня, ни дыма. Простые капризы природы. Но в столице сегодняшнего Афганистана свой уклад жизни. Тревога не покидает жителей ни на секунду. Тут почти каждый день совершаются теракты, и к любому шуму, будь то взорвавшаяся петарда или безобидный салют из огнестрельного оружия по поводу рождения мальчика в семье, за последние годы привыкли относиться настороженно. К тому же на площади, где собрались несколько сотен людей, шло торжественное открытие выставки старинных исламских манускриптов и кисв, организованной российским посольством в Афганистане. А, как известно, русских в этой восточной стране не слишком-то любят и жалуют. Так что опасения и поспешный приказ офицера понять было можно.

Из-за карнизов домов плотной пеленой выплывали грозные тучи. Как губки, впитавшие грязь, они завешивали небо над столицей Афганистана. Еще один далекий раскат сотряс воздух.

– Это гром! – выкрикнул кто-то из толпы, не выдержав абсурдности сложившейся ситуации. – Это просто гром!

Слова горожанина почти сразу же подтвердил сверкнув-

ший над крышами разряд молнии. Офицер смахнул рукой накатившие на лоб капли пота и отдал команду: «Отставать!» Солдаты, все как один, опустили автоматы. Площадь взорвалась радостными возгласами и криками. На головы горожан посыпался мелкий дождь.

Второй секретарь российского посольства в Афганистане, на жизнь которого уже однажды безуспешно покушались исламисты, решил на этот раз перестраховаться и скомкал концовку своей торжественной речи. Деликатно сославшись на срочное дело, дипломат, окруженный кольцом плечистых телохранителей, быстро спустился с помоста. Его темно-коричневый «Мерседес» с российским флажком на капоте под гул толпы пересек наполненную людьми площадь и исчез из виду.

Место перед микрофоном занял высокий пожилой мужчина в черном классическом костюме, советник российского посла по культуре. Несмотря на свой довольно простецкий и добродушный вид, Петр Владимирович Баренцев слыл хорошим оратором и эрудитом-востоковедом, умевшим заинтересовать практически любую публику. Его знания в области восточной культуры и религии вызывали уважение даже у здешних профессоров истории и теологов, его неоднократно приглашали выступить с лекциями перед местными студентами. Особенно славился он цитированием к месту средневековых поэтов в оригинале – на фарси.

Но выступление Баренцева не успело даже толком начать-

ся — усилившийся дождь вынудил организаторов мероприятия объявить, что речь будет произнесена уже на самой выставке. Срочно свернули звукоусиливающую аппаратуру и перенесли ее под крышу здания. Вход в школу-медресе, где разместилась выставка исламских манускриптов и кисв, привезенная из Казани, перегородили двое высокорослых парней из охраны российского посольства.

Желающих попасть на выставку было достаточно много. Большинство из привезенных экспонатов никогда ранее не пересекали российской границы, но во избежание диверсий и хищения ценностей внутрь пропускали лишь тех, кто имел при себе специальный пригласительный билет, выданный российским посольством. По этой причине крыльцо мусульманской школы быстро обросло десятками возмущенных, пытавшихся всеми правдами и неправдами попасть внутрь: кто-то ссылался на знакомых среди устроителей, кто-то говорил, что забыл пригласительный дома. Мол, не предупреждали, что его обязательно надо иметь при себе... Но охранники оставались невозмутимы, довольно бесцеремонно преграждая вход непрошеным гостям.

На подступах к актовому залу, где была выставлена основная часть экспонатов, приглашенных встречали трое живописных бородатых музыкантов в войлочных колпаках и в халатах ковровой расцветки. Один из них ловко перебирал струны народного афганского инструмента домбры, второй, не жалея легких, дул в сурну. Хлопая то в ладоши, то по

бубну, третий напевал заунывную песню, мотив которой отдаленно напоминал нетленный хит «Подмосковные вечера». По крайней мере, такие ассоциации возникали, как правило, у россиян, которым на афганской выставке хотелось услышать что-то родное, русское, и они готовы были уловить знакомую мелодию даже в народной пуштунской песне.

По периметру зала, из которого в коридор вынесли все ряды кресел, размещались в специальных пеналах с пуленепробиваемыми стеклами старинные исламские манускрипты и кисвы. Передвижную выставку оборудовали и смонтировали по последнему слову музейной техники. Каждый пенал представлял собой автономное устройство с собственным питанием. Миниатюрные лампочки, вмонтированные в поддоны пеналов, отбрасывали на экспонаты тусклый загадочный свет, отчего казалось, что от них исходит божественное свечение.

Политический подтекст выставки был очевиден. Вот, мол, в России в отличие от Запада есть собственные мусульманские традиции, которые чтят и уважают.

Привезенные из Казани – одного из основных мусульманских центров России – кисвы и манускрипты представляли собой не только историческую, но и большую материальную ценность. Стоимость некоторых кисв – шелковых покрывал с вышитыми на них цитатами из Корана – доходила до сотни тысяч долларов. А старинным манускриптам, написанным анонимными каллиграфами древности, вообще не было це-

ны. Конечно же, содержание и демонстрация этих ценных экспонатов требовали тщательной охраны и ухода за ними.

Именно поэтому в каждом из пеналов существовала собственная система температурного контроля, оберегавшая предметы религиозного культа от воздействий внешней среды. Что же касалось охранных мер, то каждый из экспонатов находился под сигнализацией, в случае срабатывания которой здание немедленно блокировали бы афганские военные. Но для большей надежности внутри школы-медресе дежурили десятки русских охранников из посольства.

Собравшаяся на выставке публика была интернациональной и разношерстной. Помимо сотрудников российского посольства, присутствовали несколько западных дипломатов, представители исламского духовенства и местные чиновники, афганская интеллигенция. Последние, разодетые в длинные до колен рубахи с разрезами по бокам и в подпоясанные кушаками штаны, с важным видом прохаживались по залу, переговаривались и листали выданные им у входа красочные буклеты. Двое репортеров из столичной газеты делали записи в блокнотах, с досадой поглядывая на фотоаппараты, пользоваться которыми на выставке было строго запрещено.

Утомленный многочисленными интервью, советник по культуре Петр Владимирович Баренцев, положивший два месяца работы на организацию выставки, убедился, что все идет своим чередом – его помощники по выставке заняли гостей, – и решил немного передохнуть. Особенно измотали

последние два дня, когда контейнеры уже были доставлены в Кабул. Приходилось решать массу мелких вопросов, которые возникали буквально на ровном месте. Отыскав в соседнем с залом коридоре мягкий кожаный диван, он с удовольствием ослабил узел галстука и опустился на мягкие подушки. По изнеможенному телу пробежалась приятная дрожь. Клонило в сон. Но позволить себе вздремнуть советник по культуре не мог – вскоре предстояло вернуться к гостям.

«Было бы неплохо выпить чашечку кофе», – посетила его мысль.

– Мне неудобно об этом просить, Петр Владимирович, но не могли бы вы на короткое время заменить меня в зале? – неожиданно прозвенело в ушах Баренцева.

Перед советником стояла брюнетка в максимально закрытом черном вечернем платье со стразами. Густые волосы молодой женщины стягивала косынка. Губы цвета перспелой вишни в сочетании с рубиновыми сережками смотрелись на ее белом лице просто восхитительно. Обладательницу шикарных пышных волос и стройной фигуры звали Мариам Юсуфовна Воронцова. Правда, обычно коллеги называли ее Машей или Марией. Русская фамилия досталась татарке от мужа. Как хранительница Казанского музея, она отвечала за подбор и сохранность всех представленных на выставке экспонатов. От того дня, как было принято решение о проведении выставки, Баренцеву пришлось раз сто поговорить с ней по телефону, убедиться, что она толковый специалист. Впе-

чатление только усилилось при встрече в Кабуле, и теперь ему казалось, что они знакомы минимум несколько лет.

– Что-то случилось? – забеспокоился советник, прочитав на лице женщины волнение.

– Если вы о выставке, то все в порядке, – ответила она, – просто мой семилетний сын остался в посольстве, а через час его надо кормить.

– А, вы про Мишу... – успокоительно махнул рукой Петр Владимирович, – на этот счет можете не беспокоиться. Ваш сынишка уже накормлен и находится здесь, в комнате отдыха. Я наказал моей секретарше, чтобы она заняла его какой-нибудь игрой. Конечно, если вы хотите повидаться с ним лично, я могу...

Мариам расплылась в улыбке.

– Даже не знаю, как вас и благодарить. Большое спасибо за хлопоты.

– Ну что вы?! Заботиться о сотрудниках – это моя работа, – улыбнулся в ответ Баренцев, – кстати, Мариам Юсуфовна, я хотел с вами кое о чем переговорить. Думаю, сейчас для этого настал подходящий момент. Вы не против?

– У меня есть несколько свободных минут, – бросив взгляд в сторону афганских чиновников, столпившихся у журнального столика с мусульманской литературой российских издательств, ответила молодая женщина и тут же добавила: – Кстати, можете называть меня просто Маша. Так я чувствую себя более комфортно.

– Хорошо, Маша, – прокашлялся советник, – наверное, вы уже поняли, что на самом верху принято решение расширить наше культурное присутствие в Афганистане. Так сказать, в противовес военному присутствию стран коалиции. Выставка – лишь одно из первых мероприятий. Пробный шаг. А я уже достиг пенсионного возраста. За десятилетия работа в посольствах стала для меня смыслом жизни. Так сказать, своеобразный наркотик, обойтись без которого в дальнейшем мне будет очень сложно.

Молодая женщина понимающе кивнула.

– Для меня моя работа тоже – смысл жизни.

– Непросто отыскать в России человека, хорошо знакомого с культурой Востока, знающего арабский язык и литературу. Обычно недостает одного компонента.

– Не скромничайте, вы как раз один из таких людей.

– Но силы уже не те. В скором времени штат посольства увеличат, мне будет положен помощник. Старые уходят, и их место занимают молодые. От этого никуда не деться – закон жизни. И я понимаю, что в перспективе найти человека на мое место будет не просто. Особенно не хотелось бы, чтобы его занял какой-нибудь сын влиятельного чиновника, по протекции поступивший и окончивший МГИМО, который даже не сможет отличить мечеть от церкви. Такие мне встречались. Но, к счастью, я сам могу подсказать кандидатуру своего помощника, которому в будущем, чем черт не шутит...

Мариам Воронцова хлопнула ресницами. Ее догадки, которыми она мучила себя несколько последних дней, начинали оправдываться.

– ...я уверен, что никто лучше вас не справится с этой работой, – закончил Баренцев и вопросительно посмотрел на Машу.

– Это так неожиданно... – Женщина была вне себя от радости, но внешне, как и полагается по правилам приличия, выражала на лице удивление. – У меня нет дипломатического образования.

– Во-первых, это исправимо. Можете мне поверить, работать здесь – одно удовольствие. Нужно только понимать и любить людей, живущих в этой несчастной стране. И во-вторых, главное – не специальное образование дипломата, а знание культуры, тонкостей религии. Решайтесь, я помогу.

– Честно говоря, я боюсь что-то менять в жизни.

– Не побоялись же вы поехать сюда с выставкой. И даже взяли с собой маленького сына.

– Его было не с кем оставить. У меня теперь нет мужа.

– Знали бы вы, каких усилий стоило мне добиться, чтобы вам разрешили приехать с ним в Кабул! А все потому, что вы, Мариам, – уникальный специалист. Вас нечем было заменить. Я могу похлопотать, чтобы вам с сыном предоставили хорошую служебную квартиру в центре Кабула. Три комнаты, прекрасный вид на город...

– А как же быть с моей работой, домом? Ведь, переехав

сюда, я оставлю все в Татарстане. Придется начать жизнь с нуля. Я уже один раз это проходила.

– Ничего страшного. Когда-то и я бросил все, чтобы начать новую жизнь. А мне прочили большое будущее в науке. Как видите, ни о чем не сожалею. К тому же вы молоды и красивы. Вам все козыри в руки... Конечно, я вас не тороплю с ответом. День-два у вас есть.

– Я подумаю над вашим предложением, – уже заранее зная ответ, произнесла молодая женщина.

– Вот и отлично. Надеюсь, вы примете правильное решение. И не станете потом жалеть о неиспользованном шансе.

Продолжая вести экскурсию, Маша уже размышляла о перспективах, которые откроет перед ней ее новая работа помощника советника посла по культуре при российском посольстве в Афганистане. Для молодой женщины, работавшей в Казанском музее, это, конечно же, был головокружительный взлет карьеры, единственная возможность изучить культуру Востока не по книгам, а «вживую»...

– Извините, а к какой школе златоткачества принадлежит это старинное покрывало? – прервал ее мысли один из западных дипломатов.

– Исфаханская школа, пятнадцатый век... Редкое явление, когда в золотом шитье в орнаментах просматриваются не только растительные мотивы, но и стилизованные под цветы рыбы.

Взгляд хранительницы неожиданно остановился на одном

из афганских музыкантов, который уже освободился и теперь неторопливо ходил по залу, делая снимки небольшим цифровым фотоаппаратом. Его движения были настолько осторожны, что охрана ничего не замечала. К тому же фотоаппарат щелкал бесшумно и без вспышки. Наверное, если бы не острая наблюдательность Маши, выработавшаяся у нее за годы работы в Казанском музее, «фотограф» так бы и остался незамеченным.

– Прощу извинить, мне надо срочно отойти. Надеюсь, что все интересующие вас сведения об экспонатах вы отыщете в комментариях к буклету. Если же заинтересует еще что-то – обращайтесь, – ответила дипломату хранительница и быстрым шагом направилась к излишне любопытному музыканту.

– Вы ознакомлены с правилами выставки? – по-английски спросила Мариам как раз в тот момент, когда афганец готовился сделать очередной снимок, и тут же повторила вопрос по-арабски.

Мужчина застыл на месте, словно его застучали за воровством продуктов в супермаркете. Его наголо выбритый затылок моментально покрылся потом. В глазах мусульманина вдобавок ко всему читалось непонимание: женщина, по его мировоззрению, просто не могла первой обратиться к мужчине. Если, конечно, он не был ее отцом, братом или мужем. К тому же наверняка его переклинило от одного и того же вопроса, заданного на двух языках.

– Да, – прозвучало тихо и невнятно.

– Тогда почему вы их нарушаете?

– Приношу глубочайшие извинения. – Мужчина медленно повернулся к Мариам лицом, по-английски он говорил вполне сносно.

Маленькие черные глазки, которые, казалось, вот-вот исчезнут за длинной челкой, постоянно бегали из стороны в сторону. Толстые губы, еле выглядывающие из-за густой короткой бороды, немного дрожали. Было видно, что мужчина нервничает, хотя и пытается это скрыть.

«Такое ощущение, что он сейчас бросится убежать, – мелькнуло в голове у Марии, – даже как-то жалко его. Проступок невелик, но таковы правила».

– Дайте мне на минутку свой фотоаппарат.

Мужчина тут же выполнил требование сотрудницы выставки.

– Я думал, что запрет не такой строгий и не распространяется на любительские съемки.

– У вас в памяти аппарата только снимки с выставки?

– Нет, но можете уничтожить все. Так будет быстрее.

Мария быстро стерла все снимки, записанные на флеш-карте фотоаппарата, и вернула его бородачу.

– Будь на моем месте охранник, он давно бы уже выпроводил вас на улицу.

– Большое вам спасибо, – перевел дух мужчина, поняв, что он еще легко отделался. – Кстати, меня зовут Наджибул

Бурталава. Я преподаватель истории... – говоривший замялся, – одного из провинциальных университетов.

Женщина списала расплывчатый ответ на волнение и представилась:

– Мариам Воронцова, хранительница Казанского музея, того самого, экспонаты которого вы только что фотографировали, – саркастически заметила она, – кстати, можно узнать, почему университетский преподаватель истории играет в одной группе с музыкантами? Если не хотите, можете не отвечать. Мне просто любопытно.

Мужчина ухмыльнулся – на его лице не осталось и следа от волнения.

– Игра на домбре – мое хобби и моя вторая работа. Каждый месяц мы с товарищами ездим с гастрольями по городам Афганистана, зарабатываем деньги. Ведь на одну зарплату преподавателя семью не прокормишь. Другое дело – у вас, в Европе.

– У нас в России с зарплатами тоже не ахти, особенно преподавательскими, – ответила женщина и протянула бородачу буклет, – берите, тут фотографии всех экспонатов. Так что можете не переживать, что я удалила ваши снимки. Просто право на распространение изображений раритетов на территории Афганистана мы передали вашему Министерству культуры. Приходится соблюдать договоренность.

Безобидное лицо профессора, которое еще мгновение назад вызывало жалость, стало вдруг напряженным.

– Это возмутительно! – рассматривая портрет российского востоковеда на последней странице буклета, захлебываясь слюной, приговаривал бородач, – вы, как я понимаю, мусульманка и должны знать, что изображения людей и животных в исламе запрещены.

– Я только писала некоторые тексты и составляла каталог, – спокойно ответила женщина, – а сам буклет печатался в Твери. Скорее всего оформитель не потрудился учесть эту тонкость. Экспонаты хоть и имеют отношение к религии, но выставка – мероприятие светское.

– Это... Это... – Бородач не находил нужных слов.

«Странный он какой-то... Для преподавателя в светском учебном заведении слишком ортодоксален».

Неожиданно раздался слабо различимый шум, исходивший то ли снизу, то ли из-за стен. Разобрать откуда было невозможно. Присутствующие в зале гости стихли, прислушиваясь к нарастающему шуму, медленно переходящему в гул. Казалось, что неподалеку от здания заходит на посадку большой авиалайнер.

– Землетрясение, – только и успел крикнуть преподаватель истории и со всех ног побежал к выходу.

В зале началась всеобщая паника. Толкая друг друга, люди бежали на улицу. Поскольку единственной женщиной на всю выставку была только Мариам, а она бросилась в глубь здания искать своего сына, то мужчины повели себя совершенно не по-джентльменски, пихая и отталкивая друг друга

на пути к выходу. Стены и пол вибрировали, посыпалась на пол штукатурка. Здание сотрясало, как отсек транспортного самолета, попавшего в восходящий поток воздуха.

Даже охранники, которые по логике вещей должны были успокаивать людей и организованно выводить их на улицу, сами спасались бегством. Лишь Баренцев да директор Казанского музея стояли в оцепенении, не отрывая глаз от исламских манускриптов и кисв. Желание покинуть сотрясаемое подземными толчками здание, которое в любое мгновение могло сложиться как карточный домик, было велико, но должности заставляли подумать об экспонатах и о людях.

– Помогите Маше забрать ее сына. А я пока попробую организовать спасение экспонатов, – самоотверженно произнес директор.

– Лучше спасайтесь сами. – Баренцев бросился вслед за Воронцовой.

Материнский инстинкт сработал безотказно. Сбросив туфли на каблуках, Мариам побежала к двери комнаты отдыха. Грохот, треск, крики – всего этого женщина не слышала, все лишние звуки мозг попросту отключил. Как в немом кино, беззвучно осыпалась штукатурка. Она рванула на себя перекошенную в коробке дверь, та не поддалась. Подоспевший Баренцев ударил в дверь плечом. С хрустом проломилась фанерная вставка.

– Через окно! – крикнул он хранительнице, хватая перепуганного мальчишку.

– Все в порядке, Миша. – Поставив ребенка на мокрый асфальт площади, женщина вместе с горожанами наблюдала за вибрирующими стенами здания.

Где-то там внутри все еще находился директор Казанского музея, оставшийся до последнего охранять экспонаты. Возможно, пытался вскрыть электронными ключами тяжелые контейнеры и вынести то, что мог удержать в руках. С соседних улиц уже доносились завывания сирен машин «Скорой помощи» и спасателей. Оставалось надеяться на то, что здание все же выстоит и ценные исламские экспонаты не окажутся погребенными под каменными блоками школы-медресе.

* * *

Час пик в Москве, как и в других мегаполисах мира, наступает с приближением сумерек. Особенно это ощущается в центре столицы. Сотни машин стоят в больших пробках, длина которых подчас достигает нескольких километров. Водители нервничают, изредка давят на клаксоны, будто от этого что-то изменится, ругаются. Дорожные инспекторы делают вид, что не слышат и не видят этих нарушений порядка, махают жезлами, стараясь возобновить движение. Но, как правило, их усилия – лишь видимость действия, а пробки рано или поздно рассасываются сами собой.

Как раз в одну из таких пробок на Каширском и попал

черный лимузин с трехцветным пропуском на лобовом стекле. Длинному автомобилю было трудно лавировать в густом потоке машин, не помог даже милицейский «Форд» сопровождения с включенными мигалками. Водитель правительственного автомобиля постоянно давил на тормоза, чтобы не стукнуться капотом в багажник ментовского «Форда».

– Пропустите! Повторяю, пропустите, примите вправо, освободите проезжую часть!.. – вылетало из громкоговорителя машины сопровождения.

Но толку от просьб, предупреждений и угроз было мало. Поток машин уже замедлился до скорости ленивого пешехода, в соседних рядах не оставалось свободного места, чтобы перестроиться. «Обычные смертные» ехидно поглядывали на темневшие за тонированными стеклами лимузина силуэты пассажиров. Мол, и кремлевским «небожителям» приходится разделять прелести народной жизни.

– Ненавижу это время суток, – бросил пассажир лимузина – мужчина с маленькими и ухоженными, точь-в-точь как у киношного Эркюля Пуаро, черными усиками.

– Совершенно с вами согласен, Андреевич, – вторил ему генерал в штатском, – хоть на вертолеты пересаживайся. Машин в Москве развелось...

– Вертолеты? Скоро так и будет. В Нью-Йорке наши с вами коллеги в основном по воздуху и передвигаются.

Некоторое время в салоне лимузина царило молчание. Андреевич коснулся указательным пальцем пухлой кнопки

на ручке дверцы, посмотрел на генерала. Перегородка между задним сиденьем и водителем медленно поползла вверх.

– Знаешь что, Владимирович, стар я уже для усвоения таких «меседжей», – мужчина в сером галстуке положил на колени кожаную папку, – современные политтехнологи такими терминами сыплют, что аж не по себе становится. Везде американские словечки и обороты.

– Можно подумать, ты их не понимаешь?

– Понять написанное несложно. Но за словами всегда суть стоит, которую этими словами скрыть пытаются. На, лучше сам посмотри. Как-никак, а ты с политтехнологами больше пересекаешься. По-моему, не дело они затеяли.

Генерал в штатском открыл папку, пробежался взглядом по тексту.

– Понятно... – хмыкнул себе под нос, – вот же дела. Из хорошего дела международный цирк задумали организовать. Я понимаю желание «кремлевских мечтателей» создать положительный образ России в глазах афганского населения и всего мира. Вместо того чтобы задействовать транспортную авиацию для доставки гуманитарной помощи потерпевшим от землетрясения, решили пустить автоколонну МЧС с российской символикой, которая должна проехать через весь Афганистан. Мол, это раньше мы тут на танках ездили, а сейчас безвозмездную помощь раздаем. Так сказать, мир–дружба–взаимопонимание.

– Теперь понятно, что словечко «пиар» для них значит

больше, чем дело. Пока помощь прибудет, может, она уже и не понадобится, – затушив сигарету в пепельнице, бросил мужчина в сером галстуке, – а что с охраной они придумали? Твое мнение?

– То, что конвой будут сопровождать российские десантники, – это неплохо. Но и тут им главное – обозначить в глазах граждан военное присутствие наших бравых парней в погонах и в этой точке земли.

– Прямо рекламная акция какая-то... В советские времена все было гораздо проще. Программа «Время» все, что угодно, могла до людей донести. Диктор сказал, значит, так оно и есть. Теперь же такой фокус не пройдет. Люди по несколько десятков телеканалов смотрят.

– Другое время, Андреевич, – ответил генерал. – Вот посмотришь, десантников они в последний момент решат переодеть в форму МЧС. Иначе получится, что мы как бы вместе со странами коалиции действуем.

Пробка медленно рассасывалась. Лимузин, сопровождаемый милицейской машиной, набрал скорость. Теперь государственные мужи вновь могли почувствовать себя избранными. Попутные машины расступались перед ними, как льдины пред ледоколом.

* * *

Над водой стелился густой туман, превращенный рассвет-

ными лучами в пламенеющее зарево. В его огненной дымке с трудом просматривался длинный мост на бетонных столбах-опорах, соединяющий два берега Амударьи. Несмотря на раннее время, в обе стороны к нему уже тянулись длинные автомобильные очереди из фур и грузовых автомобилей. За мутными стеклами, усыпанными каплями грязи, виднелись заспанные лица дальнбойщиков, мечтающих только об одном – как бы поскорей доставить груз и вернуться домой.

Однако простоять в ожидании таможенного контроля на этом участке узбекско-афганской границы можно было и несколько суток. Пограничники с особой тщательностью проверяли каждый автомобиль, будь то легковушка или забитая под завязку грузом фура. Поблажек и исключений не делали ни для кого. И такая система приносила неплохие результаты. Каждый день таможенниками изымались героин и «кокс», картонные ящики контрафактных сигарет, оружие и боеприпасы. В общем, погранпереход жил своей привычной, размеренной жизнью.

Вдалеке, сквозь пелену тумана засветились пока еще тусклым светом размытые круги фар. Послышалось урчание дизельных двигателей. Шум нарастал. Вскоре к мосту подтянулась колонна грузовиков, автобусов, сопровождаемая двумя вездеходами на базе БМП. Пограничники тут же убрали заграждение со свободной полосы, на которой обычно производился осмотр автомобилей, и взмахнули зелеными флажками. Практически не проходя проверок и прочих таможен-

ных процедур, колонна «КамАЗов» пересекла узбекско-афганскую границу. Один из водителей дальнобойной фуры начал было возмущаться, но, увидев на бортах грузовиков символику МЧС России, понял, что это гуманитарный груз, который не подлежит лишним проверкам, и сразу же успокоился. Дело-то святое! Соседняя страна пострадала от землетрясения.

Майор спецназа ВДВ Лавров, заслуживший у бойцов почетную кличку Батяня, опустил на глаза солнцезащитные очки – в стеклышках с зеркальным напылением поплыло серое утреннее небо и дымка тумана. Замелькавший за бортом грузовика пейзаж вызвал у майора двоякие чувства. С одной стороны, вспомнилось кровопролитное столкновение с талибами в горах, когда пришлось вызволять заложников, с другой – месяц, проведенный потом в военном госпитале в Кисловодске, когда он познакомился с симпатичной медсестрой. И вот спустя несколько лет он вновь оказался в Афганистане, правда, теперь в качестве сопровождающего гуманитарной колонны. В форме МЧС майор Лавров чувствовал себя неуютно, словно в чужую кожу влез.

Колонну для доставки гуманитарной помощи собирали в спешке. На формирование двух отделений десантников для ее охраны командование отвело Батяне лишь сутки. Коменданта миссии Лаврову представили лишь в Ташкенте на аэродроме – четыре часа назад. Колонна ровно мчалась по шоссе. Батяня решил первые километры проехать не в вез-

деходе, а в автобусе со спасателями, чтобы получше к ним присмотреться, понять, кто и чем дышит.

– Товарищ майор, разрешите обратиться!

Андрей Лавров оторвал взгляд от силуэтов гор, проступающих сквозь туманную дымку за окном автобуса, и посмотрел на молодого лейтенанта, сидевшего через проход от него.

– Обращайся. Чего тебе?

Лейтенант Авдеев наклонился поближе к своему комбату и, словно опасаясь, что его услышат настоящие эмчезовцы, тихо спросил:

– Как нас встретят местные?

Батяня сразу понял, о чем спрашивает лейтенант. Не о хлебе с солью шла речь и не о торжественных встречах в городах.

– Думаю, пока мы движемся по северным провинциям, колонне ничего не грозит. Но, когда миссия будет останавливаться для отдыха, надо держать ухо востро, – подтвердил сомнения Авдеева майор и добавил: – А теперь, если ты не против, я побуду наедине со своими мыслями.

Авдеев отвернулся к окну. Ощутив движение в салоне, Лавров чуть скосил глаза – шуплый мужчина в форме эмчезовца пробирался к нему. Спасатель был настолько тщедушным, что его то и дело бросало от сиденья к сиденью, но он пытался выглядеть внушительно, как и подобает руководителю миссии – коменданту. Склонившись к лейтенанту, он негромко кашлянул, давая понять десантнику, что-

бы тот уступил ему место. Как только руководитель миссии МЧС опустился на сиденье, Лавров почувствовал слабый запах спиртного.

– Так легче переносить дорогу, – чуть ли не шепотом оправдался тот, кого Лаврову представили Николаем Викторовичем Чагиным, – не хотите?

Майор покачал головой, возвращая мужчине флягу. Судя по запаху, в ней был коньяк.

– Поскольку я, как комендант, отвечаю за все, что происходит в нашей миссии, то с вами, как с командиром охранения, мне необходимо провести инструктаж, – прозвучало достаточно расплывчато и казенно. – До этого было мало времени. С моей стороны требования ко всем членам гуманитарного конвоя одинаковы.

– Я весь внимание, – отозвался Лавров.

Чагин пригладил ладонью сальные волосы:

– Вы и ваши бойцы не должны поддаваться на провокации. С местными жителями необходимо вести себя уважительно и по возможности оказывать им посильную помощь, чтобы у них сложился положительный образ Российской Федерации. Я понимаю особое положение ваших людей в миссии, но вы не должны выходить за рамки своей компетенции.

– Все это понятно, инструктаж с моими людьми был произведен еще перед вылетом в Ташкент, – улыбнулся Андрей Лавров, – как командир охранения, я должен знать, где вы намерены разбить первый лагерь.

Комендант извлек из кармана сложенную вчетверо карту и показал отмеченное на ней место.

– Вот этот поселок – промежуточный пункт. Думаю, что инструкции относительно войск коалиции мы с вами получили одни и те же, но следует, как говорится, сверить часы. – Даже не дав Батяне раскрыть рта, Чагин заученно затараторил: – С военнослужащими США, Великобритании и прочих государств – участников антитеррористической коалиции вести себя предельно корректно. Если предложат помощь – не отказываться, если им потребуется наша – оказать. Кстати, они также разворачивают временные палаточные лагеря для пострадавших от землетрясения.

– Конечный пункт? – тут же спросил комбат.

– Конечная точка нашей миссии – северо-западная окраина Кабула, где и предстоит развернуть основной палаточный лагерь. Расчетное время – пять дней.

– Довольно большой срок, – произнес лейтенант Авдеев.

– Это, конечно, много, – согласился комендант Чагин, – однако руководство приняло во внимание возможные трудности... Цели понятны?

Майор-десантник кивнул.

– Тогда выполним их сообща! – по-деловому бросил комендант и отошел в глубь салона.

Лавров ухмыльнулся вслед щуплому мужику в камуфляже и опустил взгляд в пол. За всю свою службу в ВДВ он встречал много подобных типчиков, которые строят из себя

крутых руководителей, хотя на самом деле не владеют ситуацией и лишь способны излагать приказы вышестоящего начальства. К тому же майор прекрасно понимал, что на самом деле комендант гуманитарной миссии, представленный ему как эмчеэсовец, – чекист. Это было видно по тому, как относятся к нему настоящие сотрудники МЧС. Ясно, что разведка не упустила случая поставить во главе миссии своего человека. Афганистан после правления талибана и последующего вторжения американцев остался для российских спецслужб зоной, практически лишенной информаторов. Но делиться своими соображениями с лейтенантом Авдеевым Батяня не спешил, понимая, что их разговор может услышать комендант, который сидел в конце салона и то и дело прикладывался к плоской фляжке. У чекиста может быть хилая комплекция, но слух всегда отменный.

– Сигаретки не найдется? – охрипшим голосом поинтересовалась у Лаврова женщина бальзаковского возраста. – Мои в багаже остались.

Ему с самого начала поездки не понравилась медик миссии Ольга Бортохова. Еще в аэропорту она запомнилась тем, что курила сигарету за сигаретой и бросала озабоченные взгляды в сторону Батяни. Конечно, если бы она была помоложе и красивее... Но когда на тебя запала ведьма со следами бывлой красоты, дымящая как паровоз, то...

– Можете сразу взять половину пачки, – прозвучало не слишком любезно, будто бы Лавров загодя страховался от

подобных просьб.

«Лишь бы только отцепилась», – подумал про себя комбат, протягивая женщине несколько сигарет.

– Вижу, вы бывалый. Наверняка в Афгане воевали?

Майор не ответил, а лишь кивнул.

– Я тоже. Если хотите, во время стоянки поговорим, бывшее вспомним. Может, где и раньше пересекались, – прозвучало ему в затылок...

Автобус тряхнуло на выбоине, и рука медички как бы ненароком коснулась плеча Батяни. Десантник тут же кашлянул, давая понять, чтобы женщина держалась от него подальше. Однако до нее желание комбата дошло не сразу.

– Ну, так что? – прозвучало очень определенно.

– Пока ничего, – холодно ответил майор, – а если вам потрепаться хочется, могу порекомендовать вон того – в форме эмчезовца. Думаю, вы найдете с Чагиным общий язык, и не только.

Глава 2

Сильный ветер со свистом проносился в горах, прижимая к камням редкую растительность. У подножия гор громоздились обломки камней – даманы. У самого горизонта, затянутого завесой тумана, искрилась на солнце прожилка реки. Пролетавший над пустыней беркут неподвижно, словно планер, завис в воздушном потоке. Во всем чувствовалось монументальное спокойствие тысячелетий, которое не способны поколебать люди со своими войнами и желанием изменить мир на свою мерку. Казалось, время здесь остановилось.

Лишь одинокая фигура мужчины с автоматом в руках говорила о том, что в этих местах не безлюдно. За спиной талиба чернел в скале довольно больших размеров провал. При тщательной аккуратности водителя в него могла бы проехать даже легковушка. В глубине пещеры на деревянной стойке тускло поблескивало с два десятка автоматов. Тут, неподалеку от Кабула, укрывались талибы.

Неровно выбитая в камнях лестница спиралью уходила вниз, на второй ярус. Из темноты каменного коридора, разреженной сполохами огня, доносились голоса. Перед костром, на большом ковре с восточным узором сидели двое мужчин. Один из них неспешно разглаживал белую бороду, наблюдая за поднимающимися к своду просторной пещеры

искрами. Второй выжидающе смотрел на него. Наконец белобородый талиб перевел взгляд на молодого соратника.

– Россия вновь решила укрепить свое влияние в Афганистане. Это наносит большой удар по нашим позициям в обществе, – громко произнес старик, – еще в восьмидесятых они были нашими самыми заклятыми врагами, а после вторжения американцев некоторые забыли об их зверствах, на них начинают смотреть, как на друзей. В поселке даже неграмотный дехканин сказал мне, что русские во время войны построили девятьсот километров дороги от Кандагара, а американцы ничего не строят.

Каждый раз, когда молодой исламист Ахмуд навещался к своему хозяину и духовному наставнику, ему приходилось выслушивать почти одно и то же. Он уже знал каждое слово наизусть, однако показать почтенному старику, что ему это в тягость, он не мог – полевой командир талибов Абу Джи Зарак был жестоким человеком, и следовало держать с ним ухо востро. Вот и теперь молодому исламисту приходилось делать вид, что он слушает наставника с интересом.

– ...Американцы сегодня, конечно, для нас большие враги, но и про русских забывать не стоит. Помни, что все они неверные, и наш с тобой долг – не допустить их возвращения на святую землю... А теперь перейдем к делу.

Молодой исламист подсел поближе к костру. В его карих глазах вспыхнули огоньки. Абу Джи Зарак продолжал:

– Границу с Узбекистаном пересекла колонна с гумани-

тарным грузом. Как я понимаю, русские хотят создать себе в нашей стране положительный образ. А на днях в Кабул была привезена выставка исламских духовных ценностей из России. Это возмутительно. Почему наши богатства должны находиться в руках неверных? Ты выполнил мое поручение?

Старик замолчал и посмотрел на молодого.

– Я все сделал, как вы велели. Вот!

В руках старика появился красочный каталог. Полистав его, он бросил гневный взгляд в свод пещеры.

– Что делает портрет человека на обложке?

– Это русские. Они издавали буклет, – с неприязнью произнес молодой исламист.

– Ладно, – махнул рукой старик, – сейчас лучше подумать о том, как нам избавиться от двух злейших врагов. Идеи есть?

Молодой растерянно пожал плечами.

– Правильно, Ахмуд, ты и не должен об этом думать, ты еще молод. Твое дело – выполнять мои приказы, – ответил на свой вопрос Абу Джи Зарак, – а теперь слушай внимательно, что я тебе скажу. Я уже все подготовил, сделаем и вернемся на базу, в наш пещерный город, оставаться вблизи столицы будет опасно...

Старик подбросил в огонь сухие ветви, пламя взметнулось к самому своду, затрещали сухие сучья. Тени афганцев заплясали на стенах пещеры, превращаясь в ужасающие силуэты с вытянутыми головами и длинными руками.

Землетрясение, сотрясшее восточную часть Афганистана, оказалось столь разрушительным, что страна оказалась не в состоянии самостоятельно справиться с его последствиями. Незамедлительно запросили помощь других государств, и началась усиленная подготовка к масштабным спасательным операциям. В пострадавших от подземных толчков районах уже организовывались госпитали и пункты первой «Скорой помощи». Однако, как ни старались спасатели, счет погибшим шел уже не на сотни, а на тысячи.

Больше всех досталось Кабулу с прилегающими окрестностями, оказавшемуся вблизи эпицентра. Подземные толчки буквально стерли некоторые старые кварталы с лица земли. Давно не ремонтировавшиеся строения не выдержали подземных толчков. В один миг десятки тысяч людей лишились крова и оказались на улице.

У завалов взрослые и дети, вознося руки к небу, сквозь плач молили Аллаха о пощаде и милости. Но, что бы они ни делали, их родственников и близких было не вернуть. Несомненно, они это понимали, но человеку всегда хочется верить в чудо.

Вместе с тем столицу захлестнула волна преступности и насилия. Пользуясь ситуацией, сотни людей ринулись грабить полуразрушенные магазины. Выносили все, что попа-

далось под руку: телевизоры, продукты, микроволновые печи, одежду... Полиция пыталась задержать нарушителей, но, как только хватали одного, двух, вместо них появлялись другие.

Среди хаоса и разрухи, как белое пятно на черной ткани, выделялся микроавтобус одной из британских телекомпаний. Небольшая спутниковая антенна на крыше автомобиля непрерывно передавала на спутник картинку в реальном времени. И только от режиссеров в Лондоне зависело, какой из сюжетов пойдет в эфир. Оператор в желтой майке перебирал ногами, с трудом поспевая за миловидного вида репортершей. Девушка с повязанной платком головой, а иначе она рисковала нарваться на неприятности в мусульманской стране, пробиралась в самую гущу событий, чтобы сделать сенсационный репортаж. Она не обращала внимания ни на полицейских, ни на военных, ни на грабителей, выносящих драгоценности из разбитой витрины ювелирного магазина. Главное для нее было бесперебойно молотить языком. Все остальное – работа оператора.

– Просто невероятно, что творится на улицах Кабула. Вы видите, как за моей спиной преступники беспрепятственно выносят из разбитой витрины ювелирного магазина золотые и серебряные драгоценности... А, как вы думаете, что в это время делает полиция?

Девушка резко поднырнула под чью-то руку и, повернувшись к оператору боком, медленно пошла в сторону поли-

цейской машины.

– Они просто переговариваются по рации. Наверное, беседуют со своим начальством, в то время как на их глазах совершают ограбление...

За спиной журналистки неожиданно загремело. Послышался ее испуганный крик. Первые несколько минут в воздухе висела густая пелена дыма. Слышались крики и возгласы. Было непонятно, осталась ли британка в живых. Но как только дым рассеялся, оператор вновь поймал в объектив свою напарницу. Ее волосы густо покрывала пыль, но она сделала знак, чтобы съемка продолжалась.

– Это обрушилась расколотая землетрясением стена. У меня немного заложило уши. Но, как я вижу, есть и те, кому повезло меньше.

На потрескавшемся асфальте лежал истекающий кровью мужчина. Его правая нога была неестественно вывернута. На изгибе колена торчал острый конец кости. Из раны сочилась багровая кровь. Возле пострадавшего уже собирались люди.

Девушка выключила микрофон и подозвала к себе оператора.

– Снимешь этого бедолагу крупным планом, особое внимание удели лицу, когда его будут поднимать. Зритель должен прочувствовать боль, которую он испытывает. Потом наведешь камерой на меня, я скажу пару заключительных слов, и мы снимаемся с места.

За сутки Кабул пережил несколько толчков. Здание религиозной школы, в которой разместилась российская выставка, все это время охраняло снаружи отделение афганской армии.

Зал, где разместилась выставка исламских святынь, выглядел ужасно, будто в нем похозяйничали грабители, перевернули все вверх дном, но ничем не заинтересовались. Кресла, столы, диваны, опрокинутые пеналы с ценностями густо укрывали обвалившаяся штукатурка и осыпавшаяся побелка. Сорванные подземными толчками люстры валялись на полу. Стены и потолок уродовали длинные трещины. Среди всего этого беспорядка виднелись брошенные в панике вещи: папки, портфели, ручки, портсигары, дорогие зажигалки...

Заходить внутрь расколовшегося здания было крайне опасно. В любую секунду ослабленные землетрясением стены могли не выдержать нагрузки бетонных плит перекрытия, и тогда... Но из аварийного здания следовало вынести музейные экспонаты, потеря которых была бы невосполнима для российской коллекции мусульманских святынь. Поэтому Мариам Воронцова, директор Казанского музея, и советник по культуре в спешном порядке собирали на улице группу смельчаков, которые бы вынесли из школы-медресы

се исламские святыни. Однако желающих рисковать жизнью во имя манускриптов и кисв было крайне мало. Пока лишь охранники посольства и трое посетителей выставки согласились на эту опасную затею, да и то последние были не слишком тренированными преподавателями кабульского университета. А чтобы поднять и перенести один из застекленных пеналов, требовались по крайней мере трое крепких мужчин. Эвакуация заняла бы непростительно много времени. В любой момент мог последовать роковой толчок.

– Даже военные отказались заходить внутрь, – покачал головой Баренцев, – говорят, что это дело спасателей. Но освободятся те нескоро. Может, попытаемся вынести хоть какую-то часть имеющимися силами?

– Если нового толчка не последует, здание устоит, – тут же отказался от этой затеи директор Казанского музея, – а все экспонаты нам придется выносить до самой ночи.

– Кажется, я знаю, как нам собрать людей. Только посмотрите за Мишей. – Воронцова передала сына в руки советника и растворилась среди собравшихся на площади у здания школы-медресе.

– Вы куда?! – только и успел бросить вслед женщине директор музея.

Через несколько минут Мария уже стояла на крыше автобуса, держа в руках громкоговоритель. Из мегафона с треском и шипением вырывался взволнованный, тронутый дрожью голос:

– Минуту внимания, прошу минуту внимания!

Но на женщину, говорившую по-английски, никто не обращал внимания. Ее слова тонули в шуме толпы, которую интересовало лишь одно – держаться подальше от разрушавшегося у них на глазах здания. Никто не хотел оказаться рядом с ним, когда медресе превратится в кучу обломков.

На счастье Мариам, к ней на помощь пришел один из афганских военных, отрегулировавший в мегафоне громкость и посоветовавший говорить по-арабски. Все-таки большинство мусульман сносно знают этот язык. Каждый из них обязан уметь читать Коран в оригинале. Как только шипение и искажения звука пропали, слова женщины зазвучали четко и громко. Люди смолкли и устремили взгляды в ее сторону.

– Каждый, кто согласится вынести из здания экспонаты, получит от российского посольства пятьдесят долларов. – Мариам отыскала взглядом Баренцева. Тот кивнул: согласен, мол, деньги найдутся. – Повторяю. Каждый, кто...

Но повторять ей уже не пришлось. Люди облепили автобус, словно пиявки. Мариам только успевала вносить желающих в список и делить их на небольшие группки. Запись пришлось прекратить, когда набралось около пятидесяти добровольцев, готовых рискнуть жизнью ради такой значительной для Афганистана суммы денег.

– Только не спешите. Выносите штрафы с экспонатами по очереди, начиная с тех, которые у входа, – дала последние указания Мариам.

Воронцова напряженно всматривалась в распахнутую дверь, за которой скрылись добровольцы. Провались сейчас крыша – и все заживо погребенные под завалами афганцы окажутся на ее совести. И тогда она уже никогда не сможет простить себе этого. Но, к счастью, все обошлось благополучно.

Через полчаса после того, как из здания вынесли последний пенал с экспонатом, последовал еще один подземный толчок. Одна из стальных колонн стала медленно выгибаться. Рухнула кирпичная стена, обнажив каркас. От подножия во все стороны полетели мелкие осколки бетона. Было видно, как плиты крыши постепенно проседают. Вот стала гнуться вторая колонна, за ней третья, четвертая. Люди уже успели отойти на безопасное расстояние и теперь наблюдали за происходящим с центра площади.

Плиты затрещали, вздыбились железные прутья арматуры. Первым обрушился фасад. Вслед за ним рухнула крыша. Здание сложилось, как карточный домик. Над обломками поднялось большое облако пыли.

– Вот это да, могли и не успеть, – на одном дыхании произнес Баренцев.

Мариам опустила на корточки перед сыном и вытерла платком его запачканное лицо.

- Ничего, все хорошо. Ты, главное, не смотри в ту сторону.
- Мама, отвези меня домой.
- Отвезу, сынок, отвезу, – и мать прижала к груди малень-

кого сына.

* * *

Майор Лавров сосредоточенно всматривался в большой лист карты. Зажатый в пальцах карандаш медленно двигался по горной местности, пересекал дороги, останавливался на редких населенных пунктах, отмеченных маркером. Подробные карты ему предоставили из архива Министерства обороны РФ. Доверять им надо было с оглядкой, ведь местность и здания, нанесенные на них, отражали ситуацию почти двадцатилетней давности. С тех пор как последний советский солдат покинул Афганистан, карты этого региона не обновлялись.

– Скоро прибудем, товарищ майор? – подал голос молодой лейтенант.

– Наконец-то, – карандаш в руке Батяни уткнулся в поселок, название которого было труднопроизносимым, Аль-Молааман, – еще километров двадцать.

– Быстрее бы, – недовольно пробурчала врач Бортохова, – трясемся, тащимся, голова уже трещит.

Лавров не обратил внимания на ее замечание. За время дороги Бортохова уже успела всем изрядно поднадоесть. Даже чекист Чагин старался не смотреть в ее сторону, делая вид, что занят изучением своих бумаг.

– В свое время я была медсестрой в составе так называ-

емого «ограниченного контингента». И чего только не рассмотрелась, – словно сама с собой разговаривала Ольга Бортохова, – эти местные ублюдки столько наших ребят положили, что даже теперь хочется взять автомат и поставить их всех к стенке. А лучше бы вообще на Афганистан ядерную бомбу сбросить, тогда бы все проблемы решились сами собой...

– Давайте хоть оставшуюся дорогу проедем в тишине, – обратился к ней Батяня.

– Майор, – надменно произнесла Бортохова, – нельзя об этом молчать, сколько бы лет ни прошло. Знаешь, сколько таких, как ты, полегло на той войне? Вспомнишь их красивые мужественные лица, плакать хочется. А теперь где они? Во всем афганцы виноваты. Нужно их всех расстрелять.

– Я сам здесь воевал. На моих глазах боевые товарищи гибли. Так что не надо мне рассказывать. А всех расстрелять – это не выход. Ведь, помимо боевиков, есть и нормальные люди. По-вашему, детей и женщин к стенке поставить следует. Так?

– Все они враги. Женщины становятся шахидками. А дети, когда подрастут, берут в руки автомат и идут убивать. Я сама одного такого подростка-смертника застрелила. Можно сказать, спасла тех, кого он мог убить в будущем. Мне даже медаль «За боевые заслуги» дали! А ты меня, майор, детишками разжалобить хочешь.

– Если только «За половые заслуги» дали, – скупно уточнил

Андрей Лавров, – думаешь, я не знаю, кому и за что медали давали? Ты-то и автомата в руках не держала.

Глаза Бортоховой налились кровью. Казалось, что вот-вот она набросится на Лаврова и расцарапает ему лицо. Так бы и произошло, не будь майор прав. Поэтому Ольга проглотила обиду. Отвернувшись, она закрыла глаза.

Догадавшись, что с «половыми заслугами» попал в самую точку, Лавров снова вернулся к изучению карты. Его внимание привлекло большое поле на окраине поселка Аль-Молааман. Условные обозначения, сделанные от руки, комбат расшифровал сразу же, они говорили о том, что поле заминировано.

* * *

Дважды удостоверившись в том, что все манускрипты и кисвы вынесены на улицу и ничего не пропало, Воронцова с чистой совестью вернулась в автобус. Миша сел к Мариам на колени и, прижав голову к материнской груди, сомкнул веки. Четверо российских охранников заносили в салон пеналы с экспонатами и, аккуратно составив их в проходе, заняли места.

– Поехали, – тяжело вздохнула молодая женщина.

То, что должно было стать событием в Кабуле на несколько дней, теперь казалось бессмысленно потраченным временем. В свете случившегося выставка уже никого не могла за-

интересовать. Так хорошо начинавшийся день превратился в сущий кошмар. Автобус закричал и, коротко сигналя, стал пробираться сквозь толпу людей, скопившуюся на площади. Петр Владимирович Баренцев устало зевнул и посмотрел в окошко.

– Черт знает, что творится.

Воронцова поднесла к губам указательный палец и тихо проговорила:

– Т-ссс... Он уже спит.

Миша, словно котенок, сладко дремал на коленях у матери. По широкой улыбке, застывшей на его губах, можно было догадаться, что мальчуган видит хороший сон.

– Извините, – уже вполголоса сказал советник, – я только хотел сказать, что, как только мы приедем в посольство, я устрою вас в своем кабинете. Там есть удобный диван. Наше здание было возведено недавно, оно совсем не пострадало.

– А гостиница при посольстве?

– Ее строили в шестидесятых годах. Стена дала трещину. Теперь там небезопасно. Не хотел вас волновать раньше времени, вот и молчал. Вещи из нее уже вынесли.

– Спасибо, – поблагодарила советника Мариам, – кстати, я уже подумала над вашим предложением.

– И что вы решили? – немного удивился советник, не ожидавший, что женщина нашла время подумать и тем более принять решение, способное кардинально изменить ее будущее.

– В общем, я согласна. Хотя есть и нюансы.

– О них поговорим позже. Мне было важно услышать о принципиальном согласии.

Автобус наконец пробился сквозь толпу и начал набирать скорость. Но неожиданно с правой стороны дорогу ему подрезала полицейская машина. Водитель автобуса резко дал по тормозам и выругался.

– Это еще что такое?! – раздался возмущенный голос директора Казанского музея.

– Полицейские, чтоб их. Чуть автобус из-за них не угробил, – раздраженно бросил водитель.

Дверца машины открылась, и из нее вышел невысокого роста офицер. Он размашистым шагом приблизился к передней дверце автобуса и настойчиво постучал костяшками пальцев по стеклу.

– Что-то случилось? – приоткрыв дверь, уже примирительно спросил водитель.

Офицер покосился на российских охранников и ответил:

– Мне нужен Петр Владимирович Баренцев.

– Да, я вас слушаю! – оживился советник по культуре.

– Генеральный комиссар приказал передать его вам. – Полицейский запустил руку в нагрудный карман и вручил советнику конверт.

Не задавая лишних вопросов, Баренцев распечатал письмо с эмблемой афганской полиции.

«В связи с последствиями землетрясения

криминальная обстановка в городе ухудшилась. По соображениям безопасности мои люди отконвоируют вас и ваш груз до российского посольства. Маршрут следования вашего автобуса – на их усмотрение.

*Генеральный комиссар
кабульской полиции Джибул Намуддин».*

Советник еще раз пробежался по тексту глазами. Было странно, что генеральный комиссар обращался к советнику письменно. Но мобильная телефонная связь в городе была повреждена, работала с перебоями, так что стоило не столько удивляться, сколько быть благодарным, что комиссар нашел время в сложной обстановке позаботиться о сохранности российской коллекции. Тем не менее советник не сразу согласился на постороннюю помощь.

– Спасибо за заботу, но у нас есть своя охрана. Думаю, вам и вашим людям хватает сейчас забот и без нас.

– Европейцам не помешает охрана из местных. Не хватает еще, чтобы российский дипломат попал в заложники. Это дословная фраза генерального комиссара.

– Мне хотелось бы услышать это от него самого.

– Телефоны не работают, – флегматично заметил офицер.

– Тогда, если вы не против, я воспользуюсь вашей рацией.

Офицер немного изменился в лице, словно удивился просьбе. Однако тут же мотнул головой и снял с пояса увесистую рацию размером в половину кирпича. Вдавил пухлую кнопку на ее корпусе. Но из динамика вырвалось лишь ши-

пение и неразборчивая речь. Связь прервалась.

– Видимо, не может ответить. Занят.

– Без подтверждения я должен следовать инструкциям своего руководства, – заключил Баренцев и развел руками.

– Я могу связаться с его заместителем. Такой вариант вас устроит?

– Вполне.

На этот раз динамик рации отозвался. Заместитель главы кабульской полиции представился, подтвердил распоряжение комиссара и пожелал благополучно добраться до российского посольства.

Включились мигалки, взвыла сирена. Автобус поехал вслед за полицейской машиной.

– Так намного безопасней, зря вы осторожничали, – откинувшись на спинку сиденья, произнесла Воронцова.

– Офицер нервным каким-то показался.

– И есть отчего, – вздохнула Мариам, – у каждого семьи, дети. А он, наверное, даже не может узнать, что с его семьей. Скоро мы будем в посольстве.

* * *

Горный воздух опьянял своей свежестью, вызывая легкое головокружение и ощущение приятной усталости. Хотелось закрыть глаза и погрузиться в сладкий сон, забыв обо всем на свете. Но расслабиться в дороге могли себе позволить только

те, чье деятельное участие в гуманитарной миссии начиналось лишь во время стоянок. Десантникам же приходилось быть настороже. Чем дальше в глубь Афганистана продвигался конвой, тем большей становилась вероятность нападения. Бойцы ни на секунду не теряли бдительности, внимательно всматриваясь в окружающие пейзажи. Только внешние здешние горы могли казаться безлюдными и умиротворенными. За большим камнем, за стволом дерева, в кустах вполне мог скрываться вооруженный до зубов талиб, заранее определивший себе удобные пути отхода. Расслабься на секунду, потеряй контроль над ситуацией – и тебя уже не будет в живых.

Обогнув выступ скалы, горный серпантин немного выпрямился. Двигатели машин заработали ровнее. Перед десантниками и эмчезовцами открылась панорама глубокого ущелья, на дне которого змеилась, искрясь солнечными бликами, небольшая речушка. Комбат облизнул обветренные губы и сверился с картой – поворот на поселок Аль-Молааман, определенный для первой стоянки, был всего в паре километров от того места, где они сейчас находились.

Дорога, на которую свернула колонна, оказалась очень узкой и ухабистой. Водителям пришлось снизить скорость до «черепашьяй». Переваливаясь, вездеходы на базе БМП, автобусы и «КамАЗы» медленно взбирались по склону. Машины бросало из стороны в сторону, словно шлюпки во время шторма. По кузовам хлестали ветки деревьев и высокого ку-

старника; глаза щипала и резала пыль. Ехать по такой дороге было настоящей мукой, но другого подъезда к поселку не существовало.

Вскоре подъем закончился. Облако пыли разогнал гулявший на перевале ветер, и прямо по курсу показались плоские крыши глинобитных домов. Поселок был небольшой по местным меркам, имел всего одну широкую улицу, заканчивавшуюся площадью с мечетью. Некоторые дома были разрушены землетрясением. А на краю площади виднелась глубокая расщелина, огороженная камнями.

Напряженность почувствовалась с первых же минут, когда колонна с гуманитарной помощью въехала в Аль-Молааман. Афганцы с нескрываемым подозрением смотрели на российские триколоры и красные кресты на бортах «КамАЗов». Некоторые из жителей были вооружены автоматами Калашникова, правда, держали стволы опущенными, все-таки груз сопровождали два вездехода с вооруженными бойцами майора Лаврова.

– Приветливый народ, – криво ухмыльнулся Авдеев.

– А ты хотел, лейтенант, чтобы нас хлебом с солью встречали? – спросил майор. – Они на всех европейцев так смотрят.

Колонна остановилась на площади. Машины тут же обступила свора мальчишек-подростков: порванная одежда, перепачканные лица, босые ноги. Судя по невысокому росту и худосочным телам, жилось здесь небогато. Даже некоторые

четырнадцатилетние уже имели при себе огнестрельное оружие, видимо, доставшееся им в наследство от старших братьев, отцов и дедов.

– А что я говорила, майор. Вот они: начинающие и уже состоявшиеся талибы, – вновь вставила свои «пять копеек» медик Ольга Бортохова, – подрастут немного и в горы подадутся.

Но Лавров никак не отреагировал на слова медички. У него были более важные дела, чем пытаться втолковать недалекой женщине, что сейчас русские оказались в Афганистане совсем с другой целью, чем в восьмидесятых годах, а потому к местным должны проявить другой подход. Он построил своих бойцов, прошелся взглядом по сосредоточенным лицам. Мужское население поселка сразу же оценило выправку и подготовку десантников. Стало тише. Автоматы большей частью переключали за спины.

– Значит так, ставлю задачу... – Майор Лавров сделал паузу.

Задача сводилась к тому, чтобы, пока эмчезовцы устанавливали палатки и разгружали гуманитарку, предназначенную для поселка Аль-Молааман, десантники обеспечили им охрану от любопытных. Площадь просторная, да и улица вела к ней только одна, остальное – узкие прогоны для домашнего скота, поэтому сложностей не предвиделось. Достаточно было просто выставить оцепление. Комбат посмотрел на лейтенанта Авдеева:

– Возьмешь двоих бойцов, присмотрите за вооруженными пацанами. Если станут провоцировать, ведите себя спокойно. Старайтесь не допустить столкновения.

– Есть, товарищ майор!

– Тогда приступай.

Лавров осмотрел скопившуюся на подходах к площади толпу. Людей было очень много. Майор хорошенько прокашлялся в кулак, чтобы его голос звучал громко, достал бумажку с написанным от руки текстом. Язык пушту, на котором говорит большинство афганского населения, он немного знал, во всяком случае, проговорить написанное мог вполне внятно.

– Мы из России. Приехали оказать гуманитарную помощь. Прошу вас не мешать, пока будут разгружать ящики с медикаментами и продовольствием. Как только все будет готово, я сообщу, – сделал сообщение комбат, – а пока пусть ваши старейшины определяют самых нуждающихся среди тех, у кого разрушены жилища.

Обращение к афганцам на их родном языке, да еще без переводчика, немного воодушевило местных жителей, растопило недоверие к пришельцам. На настороженных и измученных лицах появились улыбки, в глазах загорелись огоньки надежды на скорую помощь. Однако не все отреагировали подобным образом. Большинство афганцев, в основном пожилых, продолжали хмуро посматривать в сторону российских десантников и эмчээсовцев, оккупировавших главную

площадь поселка. Они не верили Батяне. Для них, хорошо помнивших советских солдат, русские, или, как они привыкли их называть, «шурави», оставались заклятыми врагами.

– Похоже, они нам не доверяют, – сказал чекист Чагин.

– Не будем терять времени. За работу!

Десантники, не прибегая к силе, быстро оттеснили к краям площади детей и взрослых, создав вокруг машин свободное пространство. На сборный костяк из металлических конструкций эмчеэсовцы натянули тент и стали переносить в складскую палатку ящики с гуманитарной помощью. Над площадью подняли флаг с эмблемой МЧС. Полотнище затрепыхалось на ветру.

– Выстраивайтесь в очередь, – вновь обратился к жителям Лавров.

– А что будут выдавать? – выкрикнул кто-то из афганцев.

На этот вопрос комендант миссии уже отвечал старейшинам поселка, и не один раз. Пришлось повторить громко и доходчиво, для всех сомневающихся.

– Каждому жителю поселка положено теплое одеяло, запас еды на неделю и пять литров питьевой воды. Лекарства будут выдаваться по усмотрению врача нашей миссии.

Халява, она и в Афганистане халява. Люди, до этого неприязненно смотревшие на незваных русских гостей, охотно вытянулись в длинную цепь. Казалось, что конфликт улажен и, получив гуманитарную помощь, жители разбредутся по поселку, унося в сердцах благодарность к бывшим

врагам. Но радоваться, оказывается, было рано.

Опираясь на изогнутую палку, к палатке заковылял сгорбленный старик в заношенном халате. Его белая борода была настолько длинной, что казалось, лучше бы было заткнуть ее за пояс. За край халата держался мальчишка, и не потому, что был маленьким. Он панически боялся пришельцев – при каждом шаге запрокидывал голову, чтобы видеть лицо своего спутника. Подойдя к палатке, старик с мальчишкой остановились. Ольга Бортохова наморщила лоб и сделала вид, что занята.

– Что вы хотели? – спросил Батяня. – Есть вопросы?

Но старик ничего не ответил. Вместо этого он повернулся к выстроившимся в очередь людям и протянул к небу руки, словно пытался достать кончиками пальцев до солнца. Толпа мгновенно стихла, наверняка к старику прислушивались в сложных жизненных ситуациях. Пожилой человек на Востоке всегда пользуется уважением.

– Что вы делаете? Опомнитесь! Вы думаете, русские будут нам помогать? Вы думаете, что в этих грузовиках действительно помощь? Я уверен, что там спрятано оружие и боеприпасы, – охрипшим голосом произнес старик. – Они снова пришли убивать нас!

Майор, понявший смысл воззвания к односельчанам, про себя выругался, поняв, что сейчас может произойти неоправданное. Самые идиотские предположения в настороженной толпе нередко находят поддержку. Его худшие опасения

начали оправдываться.

– Нельзя ничего брать! Пусть уходят! Мы их не звали! – кричал старик.

В палатку уже готовы были полететь камни. Автоматы из-за спин переключались в руки. Однако до выстрелов дело не дошло. Сложившуюся ситуацию требовалось немедленно урегулировать, наглядно убедив афганцев в том, что в неразгруженных ящиках действительно находятся еда и лекарства.

– Майор, чего вы ждете? Скажите им, если не отойдут и не спрячут оружие, вы прикажете своим людям открыть огонь поверх голов, – заволновался чекист.

Но следовать совету чекиста Батяня не спешил. Конечно, это был самый простой из вариантов разругать ситуацию. Но где гарантия, что афганцы не испугаются, не откроют ответный огонь, приняв предупредительные выстрелы за прямую угрозу их жизни. Да и шаткая репутация конвоя могла быть подпорчена на время его следования к Кабулу. Плохие новости передаются чрезвычайно быстро.

– Без паники. – На лице Лаврова не дрогнул ни один мускул.

– Вы что, майор, хотите всех нас здесь похоронить? – не унимался Чагин, с тревогой посматривая на жителей поселка. – Они же ему верят!

– По-моему, это вы предлагаете накалить ситуацию. А теперь попрошу отойти и не мешать мне. За безопасность от-

вечаю я и мои люди, — сказал, как отрезал, комбат.

Чекист гневно сжал пальцы в кулак, но тут же утихнул.

«Этот старик наверняка имеет влияние на толпу. Если удастся убедить его, то и остальные поверят», — поразмыслил майор.

— Погоди, уважаемый. — Батяня подыскивал нужные слова. — Раз уж ты нам не веришь, то давай поступим так. Ты проверяешь на выбор любой из грузовиков. Все разгрузить мы не можем. Если в ящиках находишь оружие, то оставляем его здесь и покидаем ваш поселок. Идет?

Старик обернулся. Чуть раскосые, обранные морщинами глаза уставились на комбата. Он присматривался к российскому десантнику, обдумывая смысл его слов.

— Старик, ты понял, что я сказал?

— Любой грузовик? — недоверчиво переспросил афганец. — Любой ящик?

— На ваш выбор, — согласился комбат.

Какое-то время старик безмолвно рассматривал землю у себя под ногами, после чего гордо поднял голову и произнес:

— Я согласен. Но если я найду хоть один автомат или мины, вы оставите оружие и покинете наш поселок.

Лавров лишь улыбнулся — уж он-то точно знал, что находится в ящиках на самом деле.

Старик подошел к одному из «КамАЗов», которому предстояло следовать до самого Кабула, а потому его и не разгру-

жали, кивнул на закрытый борт. Лейтенант Авдеев дернул запор – борт с грохотом опустился. На выбор старика был вытащен ящик из дальнего угла кузова. Лейтенант поднял крышку и полоснул ножом по бумажному мешку. На доски посыпалась мука. Однако одного ящика было недостаточно, чтобы окончательно убедить подозрительного старика в миролюбивых намерениях русских. Пришлось вскрыть еще пару ящиков. Как и в первом, там не было и намека на оружие: макароны, крупа...

– Хорошо, – пригладив бороду, одобрил старик и обратился к односельчанам: – Можете брать.

С наступлением сумерек площадь опустела. Последний житель, взвалив на плечи мешок с мукой, медленно плелся по улице, превращаясь в маленькую черную точку на фоне заходящего за горы солнца.

В палатке, рассказывая анекдоты и перекидываясь в карты, сидели повеселевшие эмчезовцы – миссия пока была успешной. Майор Лавров и лейтенант Авдеев стояли на площади, неторопливо потягивая сигареты. В небе загорались первые звезды.

* * *

Налитые свинцом тучи, окутанные туманной дымкой-сиянием, плыли в утреннем небе, словно льдины, отколовшиеся от айсберга. Отливая золотисто-оранжевым и красно-фи-

олетовым оттенками, выкатывалось из-за гор солнце. С северо-востока начинал задуть промозглый ветер. В пропитанном сыростью воздухе уже витал запах близкого дождя.

Семеро афганцев в белых рубашках и широких штанах запрокинули головы. На их вспотевшие и покрасневшие от изнурительной работы лица упали первые капли. И прежде чем успел зарядить настоящий ливень, все они уже укрылись от непогоды под навесом палатки, на пологе которой виднелся британский флаг.

У края навеса, стреляя искрами, горела жаровня. Струйки дыма от раскаленных докрасна углей медленно тянулись к сводам палатки, вырывались на волю и таяли во влажном воздухе. Десяток британских военных, разместившихся полукольцом вокруг жаровни, оживленно болтали, перекидываясь в карты. Чуть поодаль от них, полулежа на спальном мешке, играл на губной гармошке молодой сержант. Несмотря на свой возраст, играл он мастерски, чем вызывал уважение у старших товарищей.

– Присоединяйтесь! В покер научим играть, – на ломаном, но вполне сносно пуштунском языке обратился к обладателю черной как смоль бороды, афганцу, старший лейтенант Дуглас.

Бородач, бывший у афганцев-строителей за главного, бросил на затянутое тучами небо задумчивый взгляд и, поняв, что дождь закончится не скоро, принял приглашение британца. Солдаты потеснились. У жаровни места хватило всем.

– Играть в азартные игры нам запрещено Кораном, но смотреть, как это делают другие, можно, – афганец широко улыбнулся, обнажив ряд желтых зубов, – поэтому, если не возражаете, мы просто посидим, – проговорил он, мешая английские и пуштунские слова.

– Нет проблем, – старший лейтенант ловким движением перетасовал колоду и раздал карты, – какой уже год подряд ремонтируете этот мост?

– Четвертый, – тяжело вздохнул бородач, – но что поделаешь? Без него мы как без рук: ни товар на рынок не доставишь, ни еды не купишь, ни родственников не повидаешь. А всему виною эти талибы. Каждый раз, как только подразделение афганской армии по борьбе с терроризмом собирается проводить спецоперацию в горах, они тут же разрушают подвесной мост, словно кто-то их предупреждает заранее. Мы собираем людей с окрестных деревень, чиним его, проходит время – и они снова...

– Прямо замкнутый круг какой-то.

– Точно подмечено. Хорошо, что хоть каждый раз помощь присылают. В прошлом году американцы были, в этом году вас направили. Без ваших стройматериалов, – бородач кивнул на стальные тросы, аккуратными бухтами уложенные на земле, – нам бы его в жизни не отремонтировать. Те джутовые канаты, на которых он висел, простым ножом перерезать можно.

Дуглас прищурился и обвел взглядом напряженные лица

своих бойцов – сделанная им последняя ставка вынуждала игроков вскрыть карты. Уже заранее предчувствуя, что победил, старший лейтенант картинно раскрыл карты веером и продемонстрировал присутствующим почти беспроигрышную комбинацию – «флеш-рояль». Лейтенант и два сержанта негромко выругались и полезли в карманы, чтобы сделать ставки на новый кон. Деньги же, лежавшие в банке, перешли к победителю. Выигрыш был символическим. Британцы, охранявшие местных жителей при восстановлении подвесного моста, играли не ради наживы, а чтобы скоротать время. Отделение из взвода Дугласа вместе со стройматериалами доставили сюда на вертолете, остальные бойцы выдвигались сюда своим ходом. Их прибытие ожидалось только на третий день.

– Может, не стоит продолжать? – громко засмеялся старший лейтенант, распрямляя пальцами помятую купюру с портретом британской королевы. – Мне чертовски сегодня везет, и не хотелось бы вас разорить.

– Да уж, как-нибудь в другой раз повезет и мне, – раздосадованно махнул рукой лейтенант, забирая уже сделанную ставку.

Довольный собой, Дуглас захрустел застёжкой-липучкой и пододвинул рюкзак к ногам бородача.

– Угощайся. Здесь на всех хватит.

– Что это? – осторожно поинтересовался афганец, заглядывая в темные внутренности рюкзака.

– Не бойся, не свинина, мы не первый год среди мусульман, – достав одну из консервных банок, ответил старший лейтенант, – всего лишь консервированные бобы в томатном соусе.

– Тогда можно. – Бородач все же изучил этикетку.

Проголодавшиеся афганцы-строители уплетали вегетарианскую пищу с завидным аппетитом. Через пару минут консервные банки были уже пусты. А самые ненасытные все еще продолжали «гонять» по дну обломки лепешек, собирая остатки соуса. У британцев сложилось впечатление, что афганцы не ели со вчерашнего вечера.

– Большое спасибо, – слизывая с губ крошки, поблагодарил бородач, – кстати, вы не в курсе, что там, в Кабуле, происходит? Говорят, вроде большие беспорядки начались. – Афганец довольно бегло говорил на странном языке, придуманном им самим, к пуштунским словам он приставлял английские артикли, в английских же их опускал.

Британский офицер привык к подобным странностям местных полиглотов и прекрасно понимал сказанное.

– Не совсем так... Вчера перед сном радио слушал...

Тем временем усилившийся ветер подхватил серые тучи и, словно одеяло, потащил их в сторону гор. Небо прояснялось. Солнце брызнуло на землю ярким слепящим светом. Дождь ослаб, а вскоре и вовсе сошел на нет. Остались только большие лужи на глинистой земле, в которых отражалось синее безоблачное небо.

– ...Вот тебе и землетрясение... А у нас его никто толком и не почувствовал. Хотя в Аль-Молааман, говорят, даже земля на площади треснула и несколько домов развалилось.

Дуглас поморщился от проникшего под полог солнечного света и вопросительно посмотрел на афганца, бывшего у соплеменников кем-то вроде бригадира:

– Без нашей помощи вам при переброске канатов не управиться.

Бородач благодарно глянул на британца и старательно вытер руки.

– Да. Пора за работу браться, пока снова туч не нагнало. Главное сейчас – тросы между берегами натянуть. А с остальным мы и сами совладаем.

Афганцы переправились на противоположный берег покрасневшей после недавнего ливня речки. Ступая по острым камням, торчащим над бурной водой, они тащили за собой веревку, чтобы при ее помощи перебросить потом и трос. Вскоре, словно две конкурирующие команды на спартакиаде, перетягивающие канат, британцы и афганцы уже натягивали над рекой стальные тросы. В задачу, поставленную перед военными, не входила помощь в восстановлении моста. Они должны были лишь охранять строителей, но командир решил, что стоит укрепить возникшее доверие. Первый трос успешно зафиксировали на бетонных столбах, отлитых неделю назад. Казалось, что и со вторым дела пойдут так же гладко. Однако усилившийся ветер усложнил задачу. Трос посто-

янно раскачивался и провисал. Натянуть его не удавалось.

– Давайте попробуем еще раз, с вашей и нашей стороны одновременно, – предложил запыхавшийся Дуглас, он уже был и сам не рад, что решил помочь строителям.

Англосаксы, выросшие среди благ цивилизации, привыкшие к механизации, не так ловко обходились с «дедовскими» инструментами, как уроженцы Востока. Афганцы и британцы собрались с силами, рычаги зацепили трос, деревянные катки, подложенные под них, качнулись. Трос натянулся и загудел под ветром. Молодой сержант радостно улыбнулся, мол, и мы умеем, закрепил свой рычаг подпоркой и торопливо принялся откручивать анкерный болт. Мокрый после дождя гаечный ключ с насаженной на него трубой вырвался из рук. Нога заскользила по раскисшей земле. Упав на спину, сержант все еще растерянно улыбался, пытаясь удержаться на глинистой почве, но он уже неудержимо скользил по размытому дождем береговому склону. Течение реки моментально подхватило его и понесло на перекаты.

– Постарайся за что-нибудь зацепиться! – крикнул ему с берега старший лейтенант Дуглас.

Парень отчаянно махал руками, пытаясь ухватиться за камни. Однако они были большими и скользкими – пальцы срывались. Улыбка уже исчезла, лицо перекосила гримаса отчаяния. Казалось, еще немного, и течение утащит сержанта за поворот каменистого русла. Дуглас схватил свернутую в бухту веревку и побежал вниз по течению.

– Словишь конец! – крикнул он, бросая бухту.

Веревка опустилась в воду, но тут же ее отнесло к берегу стремительным течением. Вторая попытка тоже не удалась. Однако счастье все-таки улыбнулось сержанту – впереди зачернел ствол дерева, застрявший между камней поперек реки. Это был реальный шанс остановиться. Парень выставил перед собой руки и подогнул ноги. Течение резко повернуло его боком, завертело, словно мелкую щепку. Удар о дерево был очень сильным и болезненным. Сержант все же умудрился обхватить ствол, взобрался на него и тут же лег. Он дрожал после ледяной воды, с рассеченного лба тонкой струйкой бежала кровь.

– Держись!.. Сейчас тебя вытащат... Главное – не двигайся!.. – кричали ему с обоих берегов.

Левая рука сержанта безвольно повисла, глаза закрылись. Первыми к нему подоспели афганцы, худые строители ловко перебрались с камня на камень. Дуглас остановился на полпути, понимая, что еще пара шагов, и он сам может свалиться в пенящуюся воду.

Афганцы вынесли мокрого сержанта на берег, уложили на брезент. Сержант вздрогнул, приоткрыл глаза. В дымке тумана виднелись расплывчатые лица его британских товарищей.

– Я в раю или в аду? – виновато пошутил он, сделав попытку сесть, но тут же лицо перекосило от боли.

– Хуже, чем в раю, но лучше, чем в аду. Раз болит, значит,

жив, – обнадежил его Дуглас, – не дергайся. Твоя правая, что с ней? Давай-ка попробуем пошевелить, но не резко...

Парень попытался подвигать ступней, но та слушалась плохо.

– Скорее всего ты ее подвернул – сильное растяжение сухожилий, но они целые. Может, и нерв где-то немного пережало, отпустит, – умело ощупывая поврежденную ногу, констатировал Дуглас. – Наложим тугую повязку. Но в любом случае надо показать тебя врачу.

– Промойте ему раны, – добавил лейтенант, покосившись сперва на исполосованную глубокими царапинами ногу, а потом на разбитый в кровь лоб, – черт знает, какую дрянь и падаль дождем в реку нанесло.

Сержант растерянно выругался, стало понятно, что промывка поможет, да не сильно, если какая дрянь в воде и была, то уже проникла в раны.

– Вторая нога у меня в порядке. – Сержант при помощи товарищей сумел подняться, оперся о палку, предложенную ему афганцем-бородачом. Он явно чувствовал себя неловко: из-за пустяковых повреждений возникла проблема для всех.

– Все будет в порядке. Доставим тебя в Королевский госпиталь, там тебе и все прививки сделают, и обследование.

– Вертолет придется вызывать, – помотал головой сержант, – из-за такой ерунды не стоит.

– Тоже правильно. Что же тогда делать? – поднял брови лейтенант.

Дуглас задумчиво почесал затылок.

– Есть у меня одна идея. Тут неподалеку находится российская гуманитарная миссия. У них точно должен быть квалифицированный врач. Только где именно они остановились, надо уточнить.

– Они в поселке Аль-Молааман, в шести милях отсюда. Если идти по тропинке, к вечеру доберемся, – пришел на помощь бородач.

– Значит, так, – тоном, не терпящим возражений, распорядился Дуглас, – промывайте рану, накладывайте повязку и готовьте носилки. Пойдем я, двое наших и двое афганцев. Остальные остаются и продолжают работу.

Решение Дугласа следовать вместе с пострадавшим объяснялось просто. Все же наладить отношения с русскими проще было командиру, чем кому-либо из его подчиненных.

Глава 3

Украшенное россыпью серебристых звезд небо висело над землей так низко, что казалось, до него можно достать рукой. Но созданную природой иллюзию развеяли огни самолета, заморгавшие в черной мгле. Стоило посмотреть на них, как сразу же становилось понятно, насколько высоко и далеко от земли находится вся эта красота. Одновременно с пониманием этого приходило безумное желание – взлететь и подняться к далеким звездам. Но...

Майор Лавров тихо вздохнул и вышел из палатки. Небольшой отдых пошел комбату на пользу: перестала болеть голова, пропала скованность в мышцах, мучившая его с раннего утра. Естественно, никто из подчиненных бойцов не заметил «трудностей» Батяни, разве что он был более молчалив, чем обычно. Взгляд Лаврова замер на потрескивающих в костре сырых ветках. Исходивший от древесины едкий дым приятно щипал ноздри и немного резал глаза.

– Товарищ майор! – окликнул комбата сержант.

– В чем дело?

– Кажется, к нам гости. Человека четыре или пять. Приближаются к поселку по склону, не прячутся. Идут открыто.

– Давай, за Авдеевым! Я жду его у обрыва.

Одну ногу Лавров утвердил на камне, на другую переместил тяжесть тела. Прибор ночного видения, который он

крепко сжимал в руках, не давал упустить в кромешной темноте ни одной важной детали. Единственное, что мешало рассмотреть подробности, – тускло мерцающий зеленый свет, исходящий от разогретых за день камней. Он временами смазывал лица и фигуры людей. Их глаза, как у вампиров, светились крохотными блестящими огоньками.

– Вызывали, товарищ майор? – раздалось за спиной Батяни.

– На, держи... Хочу услышать твое мнение.

Авдеев приник к окулярам. Некоторое время он сосредоточенно всматривался в темноту и что-то бормотал себе под нос. Со стороны казалось, что он обсуждает сам с собой увиденное, делая какие-то выводы.

– Ну что, есть соображения?

– По экипировке, насколько ее можно рассмотреть, вроде бы двое – британцы, двое – местные, но, к сожалению, лиц не видно. Так что это вполне могут быть и переодетые талибы. Удивляет только одно – почему они несут с собой человека на носилках. Может, это просто прикрытие? Отвлекающий маневр? Хотя оружия, кроме стрелкового, я не заметил.

– Молодец, – Лавров одобрительно кивнул, – вот только оружие можно спрятать на тех же носилках так, что даже в упор не увидишь.

Комбат почесал поросший щетиной подбородок и взял в руки «АКМ». Опустил предохранитель.

– Следует их встретить на подходе к поселку и разузнать,

кто они и зачем сюда идут.

– Тогда я схожу за подмогой...

– Не стоит, мы сами справимся, просто предупреди наших.

Десантники залегли в высоких кустах, взяв в перекрестие прицелов слегка освещенный ущербной луной участок тропинки. Вот-вот на нем должны были появиться те люди, которых они минуту назад рассматривали в прибор ночного видения. Послышались шаги, зазвучали голоса. Лавров сразу уловил чистую английскую речь, а не американский ее вариант. Это немного успокаивало, так как, если бы это были талибы, они наверняка не общались бы на чужом языке. Но расслабляться все равно не стоило.

– Стой! – громко приказал комбат. – Иначе буду стрелять. Мы охрана гуманитарной миссии.

Бородатый афганец, идущий впереди всех, тут же поднял руки и завертел головой, пытаясь понять, откуда прозвучало предупреждение. Но майор и лейтенант не спешили обнаруживать себя раньше времени.

– Оружие? – вновь донеслось из темноты.

– Все, что видите, – сухо ответил старший лейтенант Дуглас. Пистолет он вынул из кобуры и держал за ствол.

– Медленно и без резких движений положите его на землю. Помните, что вы находитесь под прицелом.

Старший лейтенант выполнил требование комбата без пререканий.

– Кто вы такие?

– Британцы, – прозвучали название и номер части. – В нескольких километрах отсюда мы охраняем местных строителей. Но наш...

Языки пламени озаряли смуглые лица мужчин. Исходивший от углей жар согревал тела, покрывая кожу бисеринками пота. Британцы устроились у огня, передавали по кругу металлическую кружку с горячим кофе. На лицах у всех – дружелюбные и радостные улыбки. Пострадавший наотрез отказался, чтобы из-за него будили русского врача.

– Если бы это был мужчина, тогда другое дело, – как настоящий джентльмен объяснил он.

– Спасибо за гостеприимство, – Дуглас вынул из кармана пачку сигарет и, сдернув с нее целлофановую обертку, протянул Лаврову, – угощайтесь!

– Благодарю, но легкие не в моем вкусе, – закуривая отечественную, вежливо отказался комбат, – давно в Афганистане?

– Третий год. Но такое ощущение, что всю жизнь здесь прожил.

– Понимаю. Когда-то сам здесь бывал.

– Воевали?

– И не только. Несколько лет назад тоже пришлось побывать...

Увлеченный рассказом, майор не стал прерывать британского офицера, даже заметив, что к костру подошел Чагин.

Перехватив строгий взгляд коменданта миссии, Дуглас замолчал.

– Почему не поставили меня в известность? Почему я должен узнавать все в последнюю очередь? – по-русски возмутился тот, строго глядя на Лаврова.

Батяня в душе улыбнулся – чекист вел себя вполне предсказуемо.

– А есть возражения? Людям потребуется небольшая помощь. Не хотелось вас будить.

Вопреки ожиданиям комбата комендант миссии не стал спорить. Окинув изучающим взглядом британцев и двух афганцев, он неожиданно расплылся в улыбке. Такого радостного и довольного жизнью не видел его еще никто.

– Добро пожаловать. Чего ж ты, майор, гостей в палатку не пригласил?

«Что-то он темнит. Уж слишком приветливый и добрый стал», – мелькнуло у Батяни в мыслях.

– Да еще и кофе пьете, – ухмыльнулся чекист, – пройдемте в палатку. Там кое-что покрепче отыщется.

* * *

На улицах Кабула творилось что-то невообразимое, для чего, наверное, только в русском языке есть слово, способное образно передать суть, – «беспредел». Немногочисленные военные и полицейские хоть и попадались, но старались

держаться в стороне, беспомощно наблюдая за тем, как сотни людей беззастенчиво грабят магазины и прилавки. Вмешаться стражи правопорядка не могли, так как к столице еще не подтянулись основные силы военных – противостоять неконтролируемой толпе столь небольшим количеством людей было бы равносильно самоубийству. А геройствовать, понятное дело, никому не хотелось. У всех были жены и дети, которые ждали своих мужей домой целыми и невредимыми. Теперь предложение генерального комиссара столичной полиции не казалось странным.

– Быстрее бы оказаться в посольстве!

– Да уж, – вторил директору Казанского музея Баренцев.

Капитан афганской полиции остановил свою машину, заглянул в автобус.

– Я вас слушаю. – Баренцев перехватил его взгляд.

– Предлагаю свернуть на более узкую улицу, так мы сократим путь.

– Это безопасно? Там проезд свободен? Может, лучше держаться центральной?

– Мне только что сообщили, что впереди большой затор. Если мы застрянем, то, думаю, вам не надо говорить, что может произойти.

Выбор был вроде бы за советником. Конечно, он мог отказаться от изменения маршрута и продолжать путь, держась главной улицы столицы. Но он понимал, что если так поступит, то может застрять в пробке на долгое время. Свернуть

на менее оживленную улицу – подвергнуть автобус опасности. Как-никак, а полиции и военных там уж точно не будет. Но имелись и свои охранники, и приданные для охраны полицейские.

– Хорошо, сворачиваем. Только будьте внимательны. – Решение Баренцеву далось с трудом, но выбор все же был сделан.

– Это наша работа, – сказал напоследок капитан афганской полиции и вернулся к своей машине.

Через некоторое время полицейская машина заморгала правым поворотником и завернула на узкую улицу. Автобус повторил маневр легковушки. Проплывающая за окнами картинка тут же разительно поменялась. Вместо развалин многоэтажных домов, а по здешним меркам и пятиэтажная коробка была небоскребом, виднелись одноэтажные, уцелевшие при землетрясении традиционные глинобитные строения. Лишь стены кое-где пошли трещинами.

– Ни души, – всматриваясь в пустынную улицу, вздохнула Мариам.

– Все города мира чем-то похожи, – причмокнул советник, – то же самое и в Нью-Йорке, и в Москве, и в Париже. Рядом с центральной туристической улицей всегда найдется сотня маленьких и убогих. Все города полны контрастов.

– Скоро мы приедем? – спросила у водителя Воронцова.

– Вообще-то мы сейчас не приближаемся и не удаляемся от посольства, – бесстрастно констатировал водитель-афга-

нец.

Лицо Воронцовой вытянулось.

– Что вы сказали?! Я думала, что так мы срежем часть дороги.

Афганец сбросил скорость.

– Маленькая проблема, – в его голосе чувствовалось волнение.

– Что такое?

– Ждите.

Водитель резко затормозил и, выдернув ключ из замка зажигания, прыгнул на асфальт через левую дверку в кабине. Его фигура тут же растворилась в темноте ближайшей подворотни.

Советник бросился к лобовому стеклу, принялся махать рукой. Но полицейская машина вместо того, чтобы дать задний ход и прийти на помощь, стремительно набирала скорость, а через несколько секунд и вовсе скрылась из виду. В салоне повисла длинная гнетущая пауза. Каждый пытался осмыслить то, что произошло, и то, что может произойти с минуты на минуту. Даже охранники, выглядевшие мгновение назад уверенными, растерянно переглянулись.

– Кто-нибудь, за руль! – бросил Баренцев.

Баритон советника подействовал, как ушат холодной воды. Один из охранников уже расковыривал замок зажигания, чтобы без ключа завести двигатель, остальные, расстегнув подмышечные кобуры, покинули автобус.

– Вот же черт. Не дозвониться. – Старания Петра Владимировича связаться по мобильнику с посольством были тщетными.

Динамик лишь отзывался шипением и противным писком.

– Мама, что случилось? – сквозь сон спросил Миша.

– Ничего. Спи. – Молодая женщина обняла сына, прикрыла ему ладонью ухо.

В эту же минуту раздались выстрелы. Где-то в стороне от автобуса зашипела, распыляя клубы белого тумана, дымовая шашка. Охранник, уже сидевший за рулем, рухнул головой на баранку. Его коллеги, бывшие на улице, тут же прижались к стенам, один из них схватился за бок и, привалившись к дому, стал щелкать спусковым крючком. Мариам Воронцова сквозь стеклянный люк в крыше автобуса уже видела нападавших.

Словно «киношные» ниндзя, десяток талибов спускались на веревках с крыш соседних домов. Их движения были четко выверены. У каждого из них – автомат. Лиц не видно – сквозь прорези в черных масках светились хищные глаза. В них не читалось ненависти, лишь холодный расчет. И от этого стало еще страшней.

– Они вверху! – крикнула Мариам.

Пистолетные обоймы уже были расстреляны. И прежде, чем охранники успели сменить их, талибы вновь открыли огонь. Выстрелы достигли целей – с высоты охранники были

видны как на ладони и не могли никуда укрыться. Автоматные очереди разрывали человеческую плоть, летели брызги крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.